

«ПОДАТЕЛИ СНА» (ὕπνος и Ἑρμῆς) У ГОМЕРА

В статье дано сравнительное описание двух персонажей гомеровского эпоса, наделённых способностью и погружать в сон, и пробуждать ото сна людей и богов. Приведена этимология существительного ὕπνος ‘сон’, используемого для наименования бога Сна (Ὑπνος); освещён сложный и спорный вопрос о происхождении имени *Гермес* (Ἑρμῆς), о названии *Гермесова холма* (Ἑρμῆος λόφος) как термина ландшафта.

Ключевые слова: гомеровский эпос, боги Гипнос и Гермес, эпитеты Гермеса, этимология имён.

Тема *сна* и *сновидений* занимает немалое место в поэмах Гомера. В «Илиаде» предаются сну не только *люди*, воины, участвующие в сражениях под Троей, которые, как известно, длились девять лет (на десятый год прорицателем Калхасом была предсказана гибель Трои), но и *боги*, наблюдающие за происходящими событиями, сочувствуя и помогая той или другой из враждующих сторон – ахейцам или троянцам. В «Одиссее» тема *сна* неоднократно встречается при описании долгих странствий главного героя поэмы, а также жизни его жены Пенелопы и их сына Телемаха, остававшихся в отсутствие отца на Итаке в течение двадцати лет.

Тема ложных или вещих *сновидений* также присутствует в гомеровском эпосе и находит своё отражение в нескольких снах героев поэм (например, вещий сон Пенелопы в 19-ой песни «Одиссеи», см. Грошева 2014: 117, также Ермолаева 2007; Протопопова 2002). Отметим, что для обозначения *сна* как физиологического процесса и для обозначения *сновидения* в древнегреческом языке употребляются различные слова:

в первом случае (сон) – весьма частотное ὕπνος (144 случая, но в них существительное ὕπνος далеко не всегда имеет при себе эпитет) или редкое κῶμα, а иногда – с метонимическим значением – κοῖτος: 1. койка, постель 2. *покой, сон* (Od. 2. 358 μήτηρ εἰς ὑπερῶν ἀναβῆ κοίτου τε μέδηται ‘в верхний покой (ὑπερ-ώιον ‘верхнее помещение’, ‘горница’, ‘светлица’) свой уйдёт Пенелопа (μήτηρ), о *сне* помышляя’);

во втором случае (сновидение) – ὄνειρος, ὄνειράτα, ὄναρ, как это уже было сказано в моей статье об эпитетах сна у Гомера (Грошева 2014: 116, прим. 24). Однако сновидения упоминаются у Гомера далеко не так часто, как просто сон. В новогреческом лексическое противопоставление сна и сновидения сохранилось: сон 1. (состояние) ὁ ὕπνος 2. (сновидение) τό ὄνειρο(v) (Иоаннидис 1966: 667).

В латинском языке сон и сновидение – однокоренные слова, различающиеся морфологически: *somnus*, *i m* 1) сон, дремота 2) сонливость, вялость; спячка, бездеятельность 3) *поэт.* ночь V.; *somnium*, *i n* 1) сон, сновидение 2) *pl. поэт.* сон, дрёма 3) игра воображения, вздор, бредни (*fabulae somnia!* Тер.) (Дворецкий 1986 : 717).

В настоящей статье также преимущественно на материале гомеровского эпоса будет рассмотрена небольшая группа слов, объединяемых общим с ὕπνος происхождением. Но прежде необходимо сказать о той оценке состояния сна, которую давали этому процессу сам Гомер и персонажи эпоса. О ценности сна, о благоговейном к нему отношении свидетельствует неоднократно встречающееся в обеих частях эпоса выражение ὕπνου δῶρον ‘дар сна’, которое по значимости можно сопоставить с δῶρα θεῶν ‘дары богов’ (Od. 18. 142), учитывая тот факт, что сон у греков был обожествлён (ὕπνος). Приведём некоторые примеры. Так, в самом конце 9-ой книги «Илиады» Диомед, предводитель аргосских войск, советует вождям ахейцев оставить в покое Ахилла, не желающего им помогать против троянцев, а, подкрепившись пищей и вином, всем лечь спать, чтобы на другой день возобновить битву; все ему подчинились и, совершив возлияние, улеглись: Π. 9. 713 ἔνθα δὲ κοίμησαντο καὶ ὕπνου δῶρον ἔλοντο¹ ‘все предалися покою и сна насладились дарами’.

Хорошей иллюстрацией целебной роли сна в жизни людей могут служить, в частности, мудрые слова Пенелопы (Od. 20. 83–86), воспринимаемые как истина до настоящего времени:

¹ Это заключительная строка 9-ой песни «Илиады». Сходным образом заканчивается 16-ая песнь «Одиссеи»: Телемах, пастух Эвмей и Одиссей (в образе старца), приготовив ужин и насытившись питьём и едой, подумали о покое, и «сна благодать ниспослали им боги» (Od. 16. 481 κοίτου τε μνήσαντο καὶ ὕπνου δῶρον ἔλοντο). Комментатор вносит уточняющую поправку в перевод Жуковского: в оригинале «и насладились даром сна» («Одиссея» 2000 : 427); см. также Od. 19. 427.

85 ἀλλὰ τὸ μὲν καὶ ἀνεκτὸν ἔχει κακόν, ὀπλότε κέν τις
ἦματα μὲν κλαίῃ, πυκινῶς ἀκαχήμενος ἦτορ,
νύκτας δ' ὕπνος ἔχησιν – ὁ γάρ τ' ἐπέλησεν ἀπάντων,
ἐσθλῶν ἦδ' ἐ κακῶν, ἐπεὶ ἄρ βλέφαρ' ἀμφικαλύψῃ

‘Но и тяжёлые скорби становятся легче, когда мы
В горьких слезах, в сокрушении сердца день целый проведши,
Ночью в объятия сна предаёмся – мы всё забываем,
Зло и добро, лишь коснётся очей он целебной рукою’

(Пер. В. А. Жуковского).

Однако, дав столь высокую положительную оценку роли *сна* в жизни людей, Пенелопа тут же жалуется, что злой демон послал ей дурные *сновидения* (Od. 20.87 ὄνειράτα κακά). В приведённом отрывке чётко противопоставлены два взаимосвязанных понятия – *сон* (ὕπνος) и *сновидения* (ὄνειράτα); о технике описания сновидений у Гомера, в частности в «Одиссее», см. (Теперик 1999); для этой поэмы, по словам Т. Ф. Теперик, особенно характерен интерес к изображению снов и сновидений (там же : 88).

Значительность *сна* в греческой мифологии определяется наличием персонифицированной фигуры бога сна Гипноса (Ὕπνος)²; его вместе с братом Танатосом (Θάνατος), богом смерти, считали сыновьями Аида (Гесиод называет Смерть и Сон детьми Ночи³ – «Илиада» 1990 : 496). Сила Гипноса такова, что ему не могут противиться ни смертные, ни боги, ни даже сам громовержец Зевс, о чём красноречиво говорят слова его жены богини Геры: II.14. 233 Ὕπνε ἄναξ πάντων τε θεῶν πάντων τ' ἀνθρώπων ‘Сон, владыка всех богов и всех людей’⁴. Гера, видя

² Сновидение (ὄνειρος) у Гомера также персонифицировано: это «наиболее интересный персонаж, которому Зевс даёт указания, в кого превратиться и кому привидеться – с определённой целью» (Протопопова 2004).

³ Богиня Ночь родила целый сонм ужасных божеств: Танатоса – смерть, Эриду – раздор, Апату – обман, Кер – уничтожение, Гипноса – с роём мрачных, тяжёлых видений, не знающую пощады Немесиду – отмщение за преступления, и много других (Кун 1957: 18).

⁴ Согласно комментарию Ломана (Lohmann *Reden* 84), обращение Геры с просьбой к Гипносу является пародией на молитву, строившуюся по определённом образцу и включавшую а) обращение к почтенному адресату б) напоминание о прошлых его услугах в) просьбу о помощи в настоящее время. Для пародии характерно употребление стандартных формул: πάντων τε θεῶν πάντων τ' ἀνθρώπων является гимнической фразой (цитируется по Janko 1992 : 188).

неудачу ахейцев в сражениях с троянцами, решила помочь им хитростью: погрузить Зевса, сторонника троянцев, в сон, а пока он будет спать, дать победу ахейцам. Ей пришлось долго уговаривать Гипноса усыпить громовержца, тот отказывался, боясь прогневить Зевса, но, наконец, согласился. Вместе с богом Сна примчалась Гера на вершину горы Иды (в Малой Азии, у Трои), где в то время пребывал Зевс, там Сон тайно укрылся на громадной ели под видом сладкогласной птицы и погрузил Зевса в сон. Единственный эпитет, которым Гомер наделяет Гипноса, – прилагательное *νῆδυμος* ‘сладкий, сладостный’, значение которого для характеристики сна как физиологического процесса является наиболее типическим.

Совсем другую роль выполняет Гипнос вместе со своим братом-близнецом Смертью в 16-ой песни «Илиады» (Π. 16. 454): по поручению Зевса им надлежит отнести для погребения тело вождя ликийцев Сарпедона, убитого Патроком, в его родную Ликию. По мнению М. Лакор, в этом эпизоде могущество Сна не имеет никакого значения, он появляется как простой исполнитель, тем не менее наделённый своим постоянным эпитетом *νῆδυμος* (Lacore 1997 : 30). Важно также отметить, что Гипнос как бог Сна действует только в «Илиаде».

Но и другой персонаж гомеровского эпоса обладает способностью своим волшебным жезлом по собственной воле наводить сон на бодрствующих – и людей, и богов – и отверзать затворённые сном очи спящих – это Гермес (Ἑρμῆς); другие формы имени в русской передаче – Гермий, Эрмий, также Эриуний⁵, букв. ‘благодетельный’ («Илиада» 1990: 534); ‘спешащий на помощь, оказывающий помощь, благодетельствующий’ (Дворецкий 1958: 663), сын Зевса и богини Майи, один из древнейших богов Греции. Гермес первоначально олицетворял могучие силы природы. Позднее он становится богом

⁵ Эриуний (греч. ἐριούνιος) по сути является эпитетом Гермеса, однако этот эпитет Гомер иногда употребляет вместо имени бога – Π. 24.360, 440, 682; точно так же обстоит дело и с эпитетом Ἀργεῖφόντης, см. ниже прим. 7. Помимо прилагательного ἐριούνιος (Π. 20. 72, 24. 360) ‘приносящий большое благополучие, податель благ’, Гермес у Гомера получает эпитеты *σῶκος* (Π. 20.72) ‘крепкий, могучий’, *κράτος* (Π. 16. 181, Od. 5. 49) ‘сильный, могучий’, *ἀκάκητα* (Π. 16. 185, Od. 24. 10) ‘податель помощи, благодетель’, *χρυσόβραχis* (Od. 5.87) ‘с золотым жезлом’, *ἐύσκολος* (Od. 1. 38, Π. 24. 24) ‘зоркий’, *πομπός* (Π. 24. 182) ‘провожающий, сопровождающий’, *διάκτορος* (Π. 2.103, Od. 8.335) , ‘посланник, вестник, гонец’.

скотоводства, покровителем пастухов⁶. В культе Гермеса и мифах имелись черты, характерные для подземного божества, – Гермес сопровождает души умерших в Аид. Постепенно Гермесу присваивались всё новые и новые функции. Он становится вестником Олимпийских богов, глашатаем Зевса (Мифологический словарь 1959: 51).

В гомеровском эпосе Гермес прежде всего посланник богов и проводник душ умерших в подземное царство Аида. Но для нашей темы фигура Гермеса представляет интерес в основном как двойника Гипноса, в отличие от которого он является действующим лицом и в «Илиаде», и в «Одиссее». Выполнение одной и той же функции – насыпать сон и пробуждать ото сна – Гипносом, сыном Аида, и Гермесом, сыном Зевса, нуждается в объяснении (пока нигде в комментариях к гомеровскому эпосу этот факт одинаковой функции у двух богов не отмечен или же мною не найден). Можно предположить, что в рассмотренном выше эпизоде из 14-ой песни «Илиады» Гера намеренно обратилась к Гипносу со своей просьбой усыпить Зевса, а не к Гермесу, который вряд ли бы согласился усыплять верховного бога, собственного отца.

Роль Гермеса как двойника Гипноса наиболее заметна в 24-ой песни «Илиады», повествующей о выкупе у Ахилла тела Гектора его отцом Приамом, царём Трои. Зевс среди троянцев более всех любил Гектора, и Ахилл должен был подчиниться воле богов – выдать труп главного защитника Трои. Проводить Приама в стан ахейцев Зевс поручил Гермесу, своему «милому сыну» (οἶδον φίλον – II. 24. 333):

⁶ В 14-ой песни «Одиссеи» (Od. 14. 435) свинопас Эвмей, моля богов о возвращении домой Одиссея, рубит для жарки на семь частей жертвенную свинью; первую её часть он посвятил нимфам и Гермесу (Эрмию) – нимфам как местным божествам Итаки, Гермесу как покровителю путешественников («Одиссея» 2000 : 422), что свидетельствует ещё об одном виде поклонения этому божеству

II. 24. 339–344

ὡς ἔφατ', οὐδ' ἀπίθησε διάκτορος ἀργεῖφόντης⁷.
 340 αὐτίκ' ἔπειθ' ὑπὸ ποσσὶν ἐδήσατο καλὰ πέδιλα
 ἀμβρόσια χρύσεια, τὰ μιν φέρον ἡμὲν ἐφ' ὑγρῆν
 ἦδ' ἐπ' ἀπείρονα γαῖαν ἅμα πνοῆς ἀνέμοιο:
 εἴλετο δὲ ῥάβδον, τῆ τ' ἀνδρῶν ὄμματα θέλγει
 ὧν ἐθέλει, τοὺς δ' αὖτε καὶ ὑπνώοντας ἐγείρει:

‘Так произнёс, – и ему повинуется Гермес посланник:
 Под ноги вяжет прекрасную обувь, плесницы⁸ златые,
 Вечные; бога они и над влажною носят водою,
 И над землёй беспредельною, быстро, с дыханием ветра;
 Жезл берёт он, которым у смертных, по воле всеильной,
 Сном смыкает он очи, или отверзает у спящих ...’.

(Пер. Н. И. Гнедича).

⁷ Аргус – стокий страж прекрасной Ио, превращённой ревнивой Герой в корову. Гермес, по поручению своего отца Зевса, должен был похитить Ио. Сначала Аргус *был усыплен* речами Гермеса, а едва сомкнулись сто очей стража (обычно во время сна часть его глаз бодрствовала), Гермес одним ударом меча отсек ему голову. Так гласит миф (Кун 1957: 31). Со своей стороны, хотим отметить, что неоднократно замена имени Ἑρμῆς субстантивом Ἀργεῖφόντης ‘убийца Аргуса’ в гомеровском эпосе, на взгляд современного читателя, резко контрастирует с прочими положительными (или нейтральными) эпитетами Гермеса. Впрочем, следует учитывать, что Гермес действовал не по собственной инициативе, а подчиняясь воле Зевса; к тому же мы не знаем об отношении древних греков к этому поступку Гермеса. Приведём и другие трактовки эпитета Ἀργεῖφόντης: Вл. Краузе в «Гомеровском словаре» даёт для Ἀργεῖφόντης значение ‘ярко-сияющий’, добавляя при этом, что благодаря переосмыслению данного эпитета возникло предание об убийстве Гермесом Аргуса (Краузе 1896 : 68); см. второе объяснение Ἀργεῖφόντης в «Древнегреческо-русском словаре» И. Х. Дворецкого: ἀργῆς (‘ярко-белый, светлый, сияющий’) + φαῖνω (‘светить’) = ‘светозарный’ (Дворецкий 1958 : 229). Колебания в понимании рассматриваемого эпитета Гермеса отмечено и комментаторами переводных изданий гомеровского эпоса: «Действительный смысл эпитета «аргеифонтес» остаётся до сих пор загадочным» («Илиада» 1935, Словарь географических и мифологических терминов, стр. 666); («о значении его /– Гермеса/ эпитета Ἀργεῖφόντης среди исследователей нет согласия»: «Одиссея» 2000: 469). В данном месте (II. 24. 339) эпитет Гермеса Ἀργεῖφόντης ‘убийца Аргуса’ в переводе Гнедича отсутствует. В значении *убийца* у Гомера отмечено сущ. φονεύς, ἕως: II. 18. 335 μεγαθύμου σοῖο φονῆος ‘твоего гордого убийцы’ (*убийца* – о Гекторе: слова, произнесённые Ахиллом над трупом Патрокла).

⁸ Плесницы – подошвы, сандалии.

Чтобы проводить Приама в стан греков, Гермес принял вид прекрасного юноши и назвался слугой Ахилла. У ворот стана ахейцев стояла стража, но *Гермес погрузил её в сон* (Π. 24. 445 τοῖσι δ' ἐφ' ὕπνον ἔχευε διάκτορος ἀργεῖφόντης / πᾶσιν) и провёл Приама к шатру Ахилла. Там Гермес признался старцу, кто он (Π. 24. 460 ἦτοι ἐγὼ θεὸς ἄμβροτος εἰλήλουθα (эп. pf. к ἔρχομαι), Ἑρμείας «Бог пред тобою <...> с Олимпа нисшедший Гермес»), и велел ему смело идти в шатёр, а сам вознёсся на Олимп (Π. 24. 468). Выдав тело Гектора Приаму, Ахилл пригласил старца на ужин, по окончании которого Приам попросил разрешения подкрепиться сном, ибо он не спал со времени гибели сына. Заснули все: Ахилл, возле его шатра Приам со спутником Идеем, и воины, и боги: не спал лишь податель благ Гермес⁹, боясь, что кто-нибудь увидит Приама и потребует с него выкуп. *Разбудив Приама*,¹⁰ бог сам запряг коней и мулов и вывел всех тайно из стана ахейцев и лишь после этого снова вознёсся на Олимп. Таким образом, в этом эпизоде «Илиады» Гермес выступил в двойной роли: будучи проводником Приама, он проявил также свою способность и наводить на кого-либо сон и лишать сна¹¹.

Однако чаще Гермес в гомеровском эпосе выступает в роли вестника, сообщающего волю богов тому или другому герою повествования. Так, например, на совете богов было решено

⁹ Π. 24. 679 ἀλλ' οὐχ Ἑρμείαν ἐριοῦνιον ὕπνος ἔμαρπτεν. Напомним, что Гермес, проводив Приама в стан ахейцев, вернулся на Олимп (Π. 24. 468).

¹⁰ По мнению И. Протопоповой, в этом эпизоде, когда Гермес, встав над изголовьем спящего Приама, побуждает его бежать из стана Ахилла с телом Гектора, «речь идёт о явлениях во сне, но слова ὄνειρος (или его вариантов) нет», как и в явлении Ахиллу души Патрокла (Π. 23.62 sq.) (Протопопова 2002). Однако нет упоминания о новом возвращении Гермеса с Олимпа, где он очевидно ночевал, на землю: сообщается лишь (Π. 24. 690–694), что Гермес запряг коней и мулов Приама и вывел всех обратным путём через стан ахейцев до брода реки Ксанфа, и только после этого «... благодетельный Гермес обратно вознёсся к Олимпу» (Π. 24. 694 Ἑρμείας μὲν ἔπειτ' ἀπέβη πρὸς μακρὸν Ὀλύμπου): эпитета ἐριοῦνιος «благодетельный» в данном стихе нет, он добавлен переводчиком.

¹¹ Возможно, и другие боги обладали способностью погружать кого-либо в сон с определённой целью: так, например, говорится о Посейдоне, что он «пролил сон» (κατὰ δ' ὕπνον ἔχευεν – Od. 11.245) на очи «благороднорождённой» Тиро, желая насладиться с нею любовью; от этого союза Тиро родила Нелея и Пелия.

вернуть на родину Одиссея («Одиссея», 5-ая песнь), семь лет томившегося на острове Огигии у нимфы Калипсо: Зевс посылает к ней «быстрого, как мысль», Гермеса, описание которого (но уже в переводе В. А. Жуковского) почти полностью соответствует его описанию в приведённом выше отрывке из 24-ой песни «Илиады», поэтому греческий текст опускаем:

Од. 5. 43–48:

«... И медлить не стал благовестник, Аргусоубийца.
К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,
Амвросиальные, всюду его над водой и над твёрдым
Лоном земли беспредельныя лёгким носящие ветром,
Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворённые очи у спящих».

И в нижеследующей 49-ой строке Гомер не преминул ещё раз упомянуть *жезл*, один из важных, постоянных атрибутов Гермеса и как подателя сна, и как вестника: Od. 5.49 τῆν (=θάβδον) μετὰ χερσὶν ἔχων πέτετο κρατὺς ἀργεῖφόντης ‘В путь устремился с жезлом многосильный убийца Аргуса’. Выполнив порученную ему миссию, Гермес удалился (Od. 5.148 ἀπέβη κρατὺς ἀργεῖφόντης).

Упоминание имени Гермеса как *подателя сна* имеется и в 7 ой песни «Одиссеи», повествующей о пребывании Одиссея у Алкиноя, царя феаков. Дворец Алкиноя своим богатством поразил пришельца: он долго глядел на всё «с изумленьем великим», пока не решился войти в дом. И здесь он увидел феакийских вождей и старейшин, совершавших вином возлияние «зоркому богу Гермесу» (ἐνσκόβω ἀργεῖφόντη), которому делали это всегда *в последнюю очередь* – перед тем как отойти *ко сну* (Od. 7.138 ὃ πρῶτῳ σπένδεσκον, ὅτε μνησαίῃατο κοίτου «он (Гермес) от грядущих *ко сну* был всегда призываем последним», «так как Гермес (*убийца Аргуса*) считался подателем сна», см. Od. 5. 47–49 («Одиссея» 2000 : 391).

И ещё об одной роли Гермеса следует упомянуть. В последней песни «Одиссеи» Гермес с помощью своего жезла¹² вызывает души из трупов женихов Пенелопы и сопровождает их в

¹² В очередной раз даётся описание *жезла* Гермеса и его применения: Од. 24. 3–4 Ἑρμῆς, ἔχων «свой жезл золотой (по желанью его наводящий на бодрых / Сон, отверзающий сном затворённые очи у сонных)». Но в этом эпизоде жезл нужен Гермесу как проводнику душ умерших.

Аид. Гомер описывает их путь к поросшему асфоделем¹³ лугу, где обитают души умерших, и упоминает, в том числе, область (или царство, или страну) сновидений – δῆμος Ὀνειρώων (Od. 24. 12). Как явствует из комментария к данному месту, речь идёт о «народе снов», то есть о снах, являющихся ночью и потому проживающих опять же на западе, где обитает Ночь (сны – её сыновья. См.: Гесиод, Теог. 212) («Одиссея» 2000: 449)¹⁴.

Обратимся к словам, производным от ὕπνος. В «Этимологическом словаре греческого языка» Шантрена сначала приводятся сложные образования, где ὕπνος находится в первой части слова, например ὕπνο-δότης ‘дающий сон’, ὕπνο-φόρος ‘приносящий сон’, не отмеченные у Гомера, хотя по своему значению они вполне могли бы быть эпитетами Гипноса или Гермеса. Образований, включающих ὕπνος во второй части сложного слова, насчитывается около 30, но у Гомера таких немного. К их числу относится прилагательное ἄ-υπνος: 1. (о времени) ‘бессонный’: П. 9. 325 ὡς καὶ ἐγὼ πολλὰς μὲν ἀϋπνοὺς νύκτας ἴαυον «так я под Троей сколько ночей проводил бессонных» (слова Ахилла); 2. (о человеке) ‘не спящий, не могущий заснуть’: Od. 19. 591 ἀλλ’ οὐ γὰρ πῶς ἔστιν ἀϋπνοὺς ἔμμεναι αἰεὶ / ἀνθρώπους «но вовсе без сна (– не спящим) оставаться нам слабым / Смертным не должно» (слова Пенелопы)¹⁵; редкие композиты на -υπνιος, главным образом в адвербиальной форме ἐν-υπνιον ‘во время сна’: П. 2. 56 κλῦτε φίλοι: θεῖός μοι ἐνύπνιον ἦλθεν ὄνειρος¹⁶ «Друзи! *объятому сном*, в тишине амброзической ночи, / Дивный явился мне Сон... (= Сновидение)» (слова Агамемнона). Отмечено также причастие ὑπνώοντας ‘предававшихся сну’ от глагола ὑπνώω ‘спать’ (см. выше, с. 18, П. 24. 344 = Od. 5. 48, также Od. 24. 4).

Что касается этимологии ὕπνος, оно входит в большую семью индоевропейских слов, обозначающих общее понятие *сон*

¹³ Асфодель – растение, похожее на лилию. Его корни употребляли в пищу бедные люди («Одиссея» 2000: 412).

¹⁴ «Обитает Ночь в Аиде и ежедневно покидает его через западные ворота, неся на руках Гипноса и Танатоса» («Мифологический словарь» 1959: 128).

¹⁵ Нельзя не привести здесь один образец житейской мудрости, изречённый в «Одиссее» пастухом Эвмеем: Od. 10. 84 ἐνθα κ’ ἀυπνος ἀνήρ δοιοὺς ἐξήρατο μισθοῦς «легко б *несонливый* работник / Плату двойную там мог получить» (– о *неленивом* пастухе, который бы днём пас баранов, а ночью – быков).

¹⁶ П. 2. 56 = Od. 14. 495.

(Chantraine 1968–1980: 1159). Греч. Ἦπμος ‘сон’ объединяется в одну группу с др.-ирл. *sīan* ‘сон’, уэльск. *hun* ‘сон’, латин. *somnus*¹⁷ ‘сон’, лит. *sāpnas* ‘сновидение’. латыш. *sapnis* ‘сновидение’, то есть с кельтскими, итальянским и балтийскими языками; общая праформа *sǫp̥nos. Во вторую группу (праформа *sǫp̥nos) объединяются германские формы, авестийская, древнеиндийская (индоиранская могла быть < *sǫp̥nos), тохарские А и В. В третью группу (праформа *sup̥nós) включены ст.-слав. *sъnъ* ‘сон’, алб. *gjuntë*¹⁸ ‘сон’, арм. *k’un* ‘сон’. В совокупности все эти приведенные дериваты (отсутствует лишь хеттское соответствие) предполагают древнее существительное *sǫp̥r̥g ~ *sǫp̥r̥d̥g (род. п. *sup̥nós), построенное как основа на -no- уже в позднем протоиндоевропейском. В любом случае это слово широко распространённое и древнее в индоевропейском языке (ЕИЕС 1997: 527), относящееся во всех перечисленных языках к базисному слою лексики, а точнее к ядерному базисному слою (ЯБС), поскольку сон обозначает важную физиологическую функцию (Дёрфер 1981).

Имя бога Сна (Ἦπμος) у греков идентично обозначению понятия сон. Значительно сложнее обстоит дело с происхождением имени Гермеса (Ἑρμῆς) – персонажа, выполняющего несколько функций и наделяемого множеством разнообразных эпитетов. Этим же словом (обычно во мн. ч.) ἑρμῆς обозначали герму (столб, стелу) – невысокую четырёхгранную колонну с головой Гермеса наверху, реже – другого божества; такие ἑρμῆαι устанавливались на улицах, площадях, перекрёстках и т. п. (Дворецкий 1958: 665). В «Этимологическом словаре греческого языка» П. Шантрена имени Ἑρμῆς посвящена большая статья.

¹⁷ Латин. *somnus* может быть < *suer̥nos, т. е. входить во 2-ю группу.

¹⁸ Кажущаяся необычной форма приведённого у Шантрена соответствия из албанского языка подкрепляется данными «Албанского этимологического словаря»: Алб. *gjuntë* ‘сон’ из протоалб. *sup̥na, идентичного именному производному от и.-е. *suer- ‘спать’ – *sup̥no (Orel 1998: 138). Общеиндоевропейское наследие на протяжении I тыс. н. э. подверглось в албанском языке коренным преобразованиям, что «принципиально ограничивает возможности использования языкового материала в этимологических исследованиях, по сравнению с ситуацией в других языках» (Жугра, Каминская 1999: 121–122). Кроме того, отметим отсутствие у Шантрена соответствия из хеттского языка со значением сон, которое, однако, включено в статью *sǫp̥r- ‘засыпать’ в «Словаре индоевропейских имен» в форме *sǫp̥r-ḡ-, правда, со знаком вопроса (? хетт. *su(a)ppaḡ- предположительно от *suppariia* ‘спать’, *suppaḡant-* ‘сонный’) (NIL 2008* 675).

Помимо сведений о разнообразных формах имени бога, со ссылкой на работу Соколовского (Sokolowski 1969: 64) сообщается, что гапакс ἐρμητής в Эритрее, по-видимому, означал жертвенный пирог, ср. ἐρμής пирог в форме жезла вестника (глашатая) (согласно Гесихию, ср.: Schwyzer: 694). В «Одиссее» отмечено производное прилагательное Ἑρμαῖος ‘принадлежащий Гермесу’: Od. 16. 471 ἤδη ὑπὲρ πόλιος, ὅθι θ’ Ἑρμαῖος λόφος ἐστίν, / ἦα κίῶν ‘Когда я шёл уже за пределами города, (там), где находится холм Гермеса...’¹⁹. Для обозначения «дара Гермеса» – неожиданной удачи – употребляли существительное ἔρμαιον, τό, а у Диоскорида оно является названием растения. Имя Гермеса в форме e-ta-a₂ зафиксировано в микенском²⁰. Виламовиц, а также Нильссон, по словам Шантрена, остроумно образуют имя бога от ἔρμα 1 ‘камни или балки, брусья, поддерживающие корабль, вытасенный на сушу’, причём Виламовиц производит имя Гермеса от названия столба с его изображением, Нильссон – от груды камней. Однако, – возражает Шантрен, – существование столба, увенчанного головой бога, является *позднейшим* по отношению к его имени. Этот анализ не исключает эгейское

¹⁹ Перевод этих слов пастуха Эвмея В. А. Жуковским («...на вершине Эрмейского холма /Был я») в комментарии («Одиссея» 2000: 427) подвергнут критическому разбору и взамен предложен перевод, соответствующий оригиналу, включенный нами в статью. Помимо этого, приводится также иное толкование сочетания Ἑρμαῖος λόφος: некоторые исследователи понимают под ним грудку камней, которую моряки и странники воздвигали Гермесу в благодарность за благополучное возвращение: к поставленной вертикально плоской каменной стене каждый, кто желал почтить бога, добавлял несколько камней. Забираться на вершину такого холма было бы и вовсе святотатством – сказано в комментарии. В «Гомеровском словаре» Краузе уточняется, что Ἑρμαῖος λόφος ‘гермесов холм’ – это отрог горы Нейона на Итаке (Краузе 1896: 184). Гора Нейон упомянута в 1-ой песни «Одиссеи». Афина, принявшая образ Ментеса, предводителя тафийцев, пришла к дому Одиссея, где в ожидании пира находились женихи Пенелопы. Ментес рассказывает Телемаху, что он вместе со своими людьми приплыл на корабле на Итаку; корабль же он «поставил под склоном Нейона лесистым / На поле, в пристани Ретре (Od. 1.186 ἐν λιμένι Ρεῖθροῦ ὑπὸ Νηΐω ὑλήεντι), далёко от города». Нам представляется вполне возможным, что Ἑρμαῖος λόφος было привычным местом стоянки кораблей, приплывающих на Итаку, этот небольшой утёсистый остров, а название холма не было непосредственно связано с именем Гермеса и было обязано установленной там мореплавателями герме.

²⁰ См. Казанскене, Казанский 1986: 142, раздел «Мифология и культы».

происхождение слова ἔρμα, «вопреки его виду (aspect) равным образом лишённого этимологии». Ещё один учёный (Bosshardt), прельщённый сходством имени бога с ἑρμηνεύς ‘истолкователь и т. п.’, считает, что Гермес был «посредником между богами и людьми, интерпретатором» (?); он предполагает эгейское происхождение имени (Chantraine 1970: 373). Таким образом, несмотря на предложенные гипотезы, окончательного решения вопрос об этимологии имени Ἑρμῆς не получил²¹, что подтверждается и новейшими исследованиями.

В последнем по времени «Этимологическом словаре греческого языка» (Beekes 2010) статья о Ἑρμῆς, οὔ – Гермес, сын Зевса и Майи; также ‘герма, голова гермы’ (Π.) снабжена знаком PG, означающим, что слово несомненно принадлежит догреческому субстрату (Pre-Greek substrate language). Далее приводятся различные формы имени Ἑρμῆς, отмеченные у отдельных авторов или в диалектах, в том числе мик. E-ma-a₂ (dat.), а затем, как в словаре Шантрена, различные деривативы, среди которых только один отмеченный у Гомера – уже упомянутый Ἑρμαῖος λόφος (с пометой «если только не из ἔρμα»²²). Что касается этимологии, здесь внесены некоторые уточнения: мик. E-ma-a₂ /Hermaḥās/ представляет собой исходную форму и исключает старую форму с суффиксом *-aFwn, предложенную, например, для Ἑρμάων и Ἑρμάων (Hes.). Таким образом, связь с ἔρμα 1 ‘опора, подпорка’ должна быть отброшена, так как модель для суффиксации на -ahas неясна. Микенская форма показывает, что это может быть догреческое имя (Beekes 2010 : 462).

Как уже было сказано, нет полной ясности и в вопросе об этимологии существительного ἔρμα ‘столб; опора’. Я. Фриск (Frisk 1954: 561 sqq.) посвящает большую статью семантическому и этимологическому анализу греч. herma, отмечая, что это слово из-за сильно расходящихся конкретных значений²³

²¹ Приходится признать, что заключение о происхождении имени Гермеса, приведённое в словаре Э. Бузака 90 лет тому назад (“L’*étymologie de Ἑρμῆς est inconnue*” – Boisacq 1923: 282, прим. 3) до сих пор остаётся в силе.

²² См. прим. 19.

²³ В «Илиаде» встречается форма мн.ч. ἔρματα в значении ‘камни или брёвна’, которые укладывались на берегу под днища кораблей, чтобы они стояли прямо и не были унесены приливом в море (Π. 1. 486); в переносном значении (о людях) ἔρμα у Гомера – ‘опора, оплот’ (Π. 16. 549 о Сарпедоне, царе ликийцев). У других авторов herma может означать утёс или подводную скалу, на которую наскочил корабль;

представляет существенные трудности для объяснения, поэтому нет ничего удивительного в том, что исследователи видят в нём два или даже три различных по происхождению слова. Первым рассматривается значение ‘утёс’, ‘подводный камень’, ‘риф’, ‘холм’, идентифицирующее греч. ἔρμα с др.-инд. *varṣmán-* ‘возвышенность, холм, вершина’. По замечанию Фриска, эта этимология оставляет без внимания важнейшую семантическую особенность греческого слова, обозначающего именно **подводные** утёсы, что очевидно расценивается как недостаток. Критически относится Фриск к попытке Порцига (Porzig 1942: 266) свести воедино все три значения ἔρμα, исходя из первоначального ‘камень’, откуда далее ‘балласт’, а третье значение якобы возникло в языке мореплавателей как ироническое обозначение ‘подводных камней, рифов’²⁴. Подчёркивая прочную закреплённость греч. ἔρμα в профессиональной морской терминологии, Фриск, не будучи вполне уверенным в его индоевропейском происхождении, отдаёт предпочтение *возможной* (курсив мой – А. Г.) связи греческого термина с литов. *sverìi* ‘взвешивать’, *svarìs* ‘тяжёлый’, др.-в.-нем. *swār(i)* ‘тяжёлый’; «тогда первоначальным значением (ἔρμα) было бы ‘тяжёлый вес’, ‘тяжёлый камень’, ‘каменная глыба’, ‘межевой камень’, и.-е. **suǵer-mŋ*» (Frisk 1954: 563). Однако в «Энциклопедии индоевропейской культуры» для корня **suǵer-* ‘столб, брус’, наряду с греч. ἔρμα (< **suǵermŋ*) ‘опора, подпорка’, приводятся совсем другие соответствия: лат. *surus* ‘шест, кол’, др.-англ. *sweor* ‘столб’, ср.-в.-нем. *swir* ‘причальный столб’, др.-инд. *sváru-* ‘жертвенный столб, кол’. Несмотря на то, что корень **suǵer-* скудно представлен (латинская, германские, греческая и древнеиндийская формы), географическое распространение приведённых соответствий, как полагают авторы статьи об этом индоевропейском корне, по-видимому, гарантирует его протоиндоевропейский статус, невзирая на то, что точная исходная форма корня не может быть реконструирована (ЕИЕС 1997: 442).

камень, используемый на корабле как груз или балласт; груды камней, каменную глыбу.

²⁴ П. Шантрэн разделяет мнение Я. Фриска: употребление ἔρμα в трёх различных значениях, сведённых к значению ‘камень’, не позволяет установить для этого производного на -μα слова, имеющего древнюю структуру, приемлемую индоевропейскую этимологию (Chantraine 1968: 373).

Хотя существительное λόφος ‘холм’ не имеет непосредственного отношения к теме нашей статьи, посвящённой фигурам Гипноса и Гермеса, оно представляет интерес с семантической точки зрения. Прежде всего следует отметить значения этого слова у Гомера (по Beekes 2010): 1. шея (человека) Π. 10. 573 κνήμας τε ἰδὲ λόφον ἀμφὶ τε μηρούς ‘<пот и прах смывали> на голеньях, шее и бёдрах’; шея (или грива) коня Π. 23. 508 ἵππων ἔκ τε λόφον καὶ ἀπὸ στέρνοιο χαμᾶζε ‘с пламенных коней пот и с шей, и с груди (лился) на землю’; 2. гребень (на шлеме), султан Od. 22. 124 ἵππουριν, δεινὸν δὲ λόφος καθύπερθεν ἔνευεν «страшно *султан* наверху развевался»; 3. холм, возвышение Od. 11. 596 (о Сизифе) λαῶν ἄνω ὄθησκε ποτὶ λόφον ‘камень катил он *в гору* (= к вершине холма)’. Некоторые греческие авторы сообщают, что *гребень шлема* – это карийское изобретение, поэтому Шульце (Schulze 1892: 257, 4) считает λόφος в этом значении карийским заимствованием, которое он отделяет от λόφος ‘шея’. Однако Бекес полагает, что это мнение несостоятельно; ссылаясь на более позднюю работу того же автора (Schulze 1933a: 252), Бекес считает приемлемой связь λόφος с τοχ. A *lap* ‘голова’, если признать, что в греческом слове первоначальным значением было ‘гребень, макушка, темя, голова’ (Beekes 2010: 873), или ‘шея’, как у Гомера. Соматизм *шея* в ряду других органов и частей человеческого тела относится к базисной лексике, которую принято считать древнейшим слоем любого языка, наименее подверженным изменениям и заимствованиям; впрочем, по классификации Г. Дёрфера, *шея* находится в промежуточном слое базисной лексики – между ядерными (ЯБС) и периферийными (ПБС) словами (Дёрфер 1981: 39). Особенностью некоторых соматизмов является метафорическое использование их для именованя элементов ландшафта, что рассматривается лингвистами как семантическая универсалия (Ульманн 1970). Как нам представляется, ситуация с греч. λόφος у Гомера может служить наглядным примером такого перехода (шея → возвышение, холм). В новогреческом λόφος сохранилось лишь в значении ‘возвышенность’, ‘холм’ (Сальнов 1965: 183).

Заключение

В настоящей статье была сделана попытка сопоставить образы двух мифологических персонажей гомеровского эпоса – бога Сна (Ἦπνος) и Гермеса (Ἑρμῆς) – юного бога, подателя успеха и всяческого рода удач людям, посланника Зевса к богам

и к смертным («Илиада» 1935: 669, Словарь географических и мифологических терминов). При всём различии этих фигур, их сближает между собой то, что они оба наделены способностью как «наводить сон» на людей или богов, то есть усыплять, так и, пробуждая, «отверзать затворённые сном очи спящих». Оба персонажа обычно действуют не по собственной воле, а по волеизъявлению, приказанию какого-либо верховного божества, чаще всего Зевса, также Геры или Афины. У Гомера нет описания внешнего вида бога Сна, тогда как описание Гермеса даёт весьма наглядное представление о его облике. Единственный, постоянный эпитет Гипноса у Гомера – прилагательное *νῆδυμος* ‘сладкий’, Гермес же наделён несколькими эпитетами, что, очевидно, связано с немалым числом выполняемых им функций и участием в различных эпизодах «Илиады» и «Одиссеи»; рассмотрению всех гомеровских эпитетов Гермеса будет посвящено отдельное исследование. Имя бога Сна *Ἵπνος* тождественно обозначению понятия *сон* и с точки зрения происхождения не нуждается в особом объяснении. Напротив, все попытки предложить надёжную этимологию греч. *Ἑρμῆς* не увенчались успехом, что в конечном итоге привело к предположению о догреческом происхождении этого имени. Двойное толкование имеет и многократно встречающийся эпитет Гермеса *Ἀργεῖ-φώνης*, нередко употребляемый Гомером вместо имени *Ἑρμῆς*.

Литература

- Грошева 2014 – Грошева А. В. Эпитеты *сна* (*Ἵπνος*) в поэмах Гомера // *Acta linguistica petropolitana*. Т. X, ч. 1. СПб., 2014. С. 104–122.
- Дёрфер 1981 – Дёрфер Г. Базисная лексика и алтайская проблема // *Вопросы языкознания*. 1981, № 4. С. 35–44.
- Ермолаева 2007 – Ермолаева Е. Л. О ложных снах, слоновой кости и глаголе *ἐλεφαίρομαι* (Od. 19. 560–569) // *Tradita non explorata*. Исследования по классической филологии и истории антиковедения. СПб.: 2007 (= *Philologica classica*. Вып. 7). С. 3–14.
- Жугра, Каминская 1999 – Жугра А. В., Каминская Л. Н. Некоторые проблемы этимологического изучения албанской лексики (по материалам работ Чабея) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология–III*. Материалы чтений, посвящённых памяти проф. И. М. Тронского. 14–16 июня 1999 г. С. 121–123.
- Казанскене, Казанский 1986 – Казанскене В. П., Казанский Н. Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л.: «Наука», 1986.
- Кун – Кун Н. А. Легенды и мифы древней Греции. Изд. 4-е. М.: 1957.

- Протопопова 2004 – Протопопова И. А. Двусмысленность зримого (несколько замечаний о сновидениях в античной Греции) // Труды Российской антропологической школы. Вып. 2. М., 2004.
- Протопопова 2002 – Протопопова И. А. Сновидения у Гомера и Платона: ONEIROS и CHORA // Сны и видения в народной культуре. М.: 2002.
- Теперик 1999 – Теперик Т. Ф. Типология изображения сновидений в эпосе Гомера (на материале «Одиссеи») // Индоевропейское языкознание и классическая филология–III. Материалы чтений, посвящённых памяти проф. И. М. Тронского. 14–16 июня 1999 г. С. 87–89.
- Ульманн 1970 – Ульманн С. Семантические универсалии. Пер. с английского // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 5 (Языковые универсалии). М.: «Прогресс», 1970. С. 277–281.
- Janko 1992 – Janko R. The Iliad: A Commentary. Vol. IV.: books 13–16. Cambridge Univ. Press, 1992.
- Lacore 1997 – Lacore M. Νήδυμος ὕπνος // GAIA: Revue interdisciplinaire sur la Grece Archaïque. 1997. N. 1–2. P. 13–40.
- Porzig 1942 – W. Porzig. Die Namen für Satzinhalte im Griechischen und Indogermanischen. Berlin, 1942.
- Schulze 1933 – W. Schulze. Kleine Schriften. Göttingen, 1933.
- Schulze 1892 – W. Schulze. Quaestiones epicae. Gütersloh, 1892.
- Schwyzler 1939, 1950 – E. Schwyzler Griechische Grammatik, I-II. Munich, 1939, 1950.
- Sokolowski 1969 – Sokolowski Fr. Lois sacrées des cités grecques. Paris, 1969.

Словари

- Дворецкий 1986 – Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд. 3-е, исправленное. М.: «Русский язык», 1986.
- Дворецкий 1958 – Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1–2. Под ред. проф. С. И. Соболевского М.: 1958.
- Иоаннидис 1966 – Иоаннидис А. А. Русско-новогреческий словарь. Под ред. Т. Пападопулоса и Д. Спатиса. М.: «Советская энциклопедия», 1966.
- Краузе 1896 – Краузе Вл. Гомеровский словарь (к Илиаде и Одиссее). Изд. 2-е, пересмотренное и дополненное составителем. С.-Петербург, 1896.
- Мифологический словарь 1959 – Мифологический словарь / Составители М. Н. Ботвинник, М.А. Коган и др. Л., 1959.
- Сальнов 1965 – Новогреческо-русский словарь / Составитель Сальнов Н. А. М., 1965.
- Beekes 2010 – Beekes Robert S. P. Etymological Dictionary of Greek. In two volumes. Leiden; Boston: Brill, 2010.
- Boisacq 1923 – Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 2 ed. Heidelberg; Paris. 1923.
- Chantraine 1968–1980 – P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire de mots. Paris, 1968–1980.

- EIEC 1997 – Encyclopedia of Indo-European culture / eds. Mallory J., Adams D. Q. London; Chicago: Fitzroy Dearborn, 1997.
- Frisk 1954–1970 – Frisk H. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg.
- LSJ 1996 – A Greek-English Lexicon. Ninth Edition with Revised Supplement / H. G. Liddell and R. Scott. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones, with the assistance of Roderick McKenzie, and with the co-operation of many scholars. Supplement edited by P. G. W. Glare. Oxford: Clarendon Press, 1996.
- NIL – Nomina im Indogermanischen Lexikon. Wodtko D. S., Irslinger B., Schneider C. Universitätsverlag. Winter. Heidelberg. 2008.
- Orel 1998 – Orel V. Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998.

A. V. Grosheva. Homer's providers of sleep (Ὕπνος and Ἑρμῆς)

The paper presents a comparative description of Ὕπνος and Ἑρμῆς, two characters of Homeric poems able to put mortals and gods to sleep and to awake them. The author discusses the possible etymologies of the noun ὕπνος 'sleep' used as the name of the God of Sleep (Ὕπνος) as well as the origin of the name Hermes (Ἑρμῆς) and the name of The Hill of Hermes (Ἑρμαῖος λόφος) as a landscape term.

Keywords: Homeric poems, Ὕπνος, Ἑρμῆς, Hermes' epithets, etymology.